

В. П. Кузнецова, Ю. Ковыршина (Петрозаводск)

И. А. ФЕДОСОВА И ВЫРОЗЕРСКАЯ ШКОЛА ПРИЧИТАЛЬЩИЦ

Понятие «школа» применялось в основном в отношении исполнителей былин. В. И. Чичеров выделял в Заонежье школы сказителей по следующим признакам: былины исполнителей, принадлежащих одной и той же школе, образуют как бы гнездо сходных вариантов, имеющих один общий оригинал, они восходят к одному и тому же изводу, созданному определенным сказителем¹.

Иначе обстоит дело со школами причитальщиц. О том, что они существовали, несомненно, говорить можно: существовали районы, в которых были одни и те же особенности причитаний, существовала преемственность в приемах исполнения, существовала система обучения исполнительскому искусству, но поскольку причитания не имеют устойчивого текста как, например, былины, выделить какого-то одного создателя и его учеников не представляется возможным. Эта традиция, если можно так выразиться, более массовая. Вспомним наблюдение П. Н. Рыбникова (речь идет о Толвуе): «...Там всякая почти женщина может выплакивать свое горе в импровизации ли, под влиянием собственного настроения, или в переделках заплачек, переходящих из рода в род и известных почти каждой большухе и старухе»². Причитания не имеют вариантов, поскольку эти произведения исполняются только однажды по конкретному поводу. Можно говорить, скорее, не о школе какого-то определенного мастера, а о школе, выделяемой на определенной территории по таким признакам, как наличие общих обязательных мотивов, стереотипных формул, одних и тех же приемов композиции, напевов. О том, что в Заонежье причитывали поразному, говорил, например, один из исследователей заонежской свадьбы конца XIX в. П. Певин: «Свадебные обычаи и причитанья далеко не во всех местностях одинаковы, и особенность в свадебных обычаях и причитаньях можно заметить даже в селах, недалеко отстоящих друг от друга»³.

© В. П. Кузнецова, Ю. Ковыршина, 2000

¹Чичеров В. И. Школы сказителей Заонежья. М., 1982. С. 29.

²Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Т.1. Петрозаводск, 1989. С. 50.

³Певин П. Народная свадьба в Толвуйском приходе Петрозаводского уезда Олонецкой губернии // Живая старина. 1893. № 2. С. 220.

Вырозера представляет особый интерес, поскольку в одной из вырозерских деревень родилась и выросла Ирина Андреевна Федосова (в девичестве Юлина). Несомненно, именно в своей родной местности она прошла ту школу, которая сформировала ее как замечательную вопленицу и позволила впоследствии стать настоящей народной поэтессой.

Исследование проводилось на материале свадебных причитаний, поскольку достаточных сведений для сопоставления рекрутских и похоронных причитаний «рядовых» исполнителей с текстами И. А. Федосовой не имеется. Второе соображение в пользу этого вида причети: можно вполне уверенно предположить, что усвоение приемов причитывания начиналось именно со свадебных причитаний, поскольку в детском возрасте девочки проявляли интерес в первую очередь к тому, как причитывают на свадьбах. Участие в свадьбах в качестве зрителей было одним из развлечений для деревенских детей. Свадебные сюжеты присутствовали в детских и молодежных играх. Сама Ирина Андреевна говорила, что она впервые проявила себя как исполнительница причитаний именно в такой игре, когда причитывала «занарок», то есть понарошку. Уже в юном возрасте она была признана в своей деревне лучшей причитальщицей, а по ее собственным словам, в 19 лет ее пригласили причитывать на свадьбе в Толвуе. Е. В. Барсов, опираясь, по-видимому, на факты из биографии И. А. Федосовой, упоминает о том, что она обучала девочек 10—16 лет причитыванию. Собирает даже описывает технику ее причитывания с хором подголосниц⁴.

В экспедициях по Зонежью сотрудниками Института языка, литературы и истории КНЦ РАН, а также студентами Петрозаводской консерватории под руководством Т. В. Краснопольской записывались причитания в исполнении бывших жительниц Вырозера. Конечно, это записи современные (самая ранняя относится к концу 50-х годов), к этому времени традиция причитывания на свадьбах была уже полностью утрачена, но все-таки было интересно попытаться сопоставить причитания обычных, так называемых рядовых, исполнителей с причитаниями И. А. Федосовой. Среди современных исполнительниц из Вырозера выделяются Ирина Трофимовна Юлинова из д. Федосова Гора и Александра Трофимовна Кадетова (род. в д. Полежаевская), которая помнила до недавнего времени весь цикл свадебных причитаний. Записи от нее производились в д. Палтега в 1989 г.; в 1997 г. произведена видеозапись в ходе экспедиции, проводившейся по гранту РГНФ. Материалы хранятся в фонограммархиве (далее — ФА) Института ЯЛИ КНЦ РАН.

⁴Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым / Изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. Т. 1. СПб, 1997. С. 276—277.

В свадебных причитаниях Заонежья, в том числе и вырозерских, имеется набор обязательных мотивов, которые соответствуют тому или иному моменту обряда и строятся по одной и той же схеме, соответствующей порядку обрядовых действий. Здесь представлен очень краткий анализ причитаний невесты на рукобיתье, поскольку именно для этого момента заонежской свадьбы характерен наиболее устойчивый текст. Для начала сравним объем. В среднем в записях от рядовых исполнительниц он составляет до 40—50 стихов. У И. А. Федосовой причитание состоит из 1074 стихов⁵. Обычно вырозерские причитания на рукобיתье начинаются со следующего зачина: *«Не во бережку ли утушка закрикала, красна девушка в большом углу заплакала»*. У И. А. Федосовой эта стереотипная формула тоже присутствует, но она начинается с 262-го стиха: *«И не утушка во бережку закрикала, красна девушка во терему заплакала...»*. Далее в причитании И. А. Федосовой встречаются следующие обязательные мотивы: изображение сватов: *«Во почетном во большом углу / как не вороны слетаются, / и не воины съезжаются...»*; описание обрядового момента, когда после богомолья звенят в колокольчик: *«И не в трезвон нын затрезвонили, / мою волю поневолили / и не в колокол ударили, меня девушку просватали»*; описание момента зажигания свечи перед богомольем — тоже обязательный мотив; типичный лирический мотив жалобы на родителей, которые не жалеют девушку, отдают за «блада сына отецкого»; затем следует стереотипное обращение девушки к присутствующим расступиться, чтобы дать ей пройти в задний угол к печи и традиционное обращение к родителям, прощание с ними. Затем снова типичный мотив, отражающий обрядовое действие: *«И ворочусь да от желанных свет-родителей / я ко этому столу да ко дубовому...»* В причитании имеется клише-пожелание сватам: *«Да ступень ступить, злодиям им, нога сломить, / да другой ступить, злодиям, да друга сломить...»* и т. д. И. А. Федосова включает в свое причитание все типичные, традиционные мотивы, которые обычно присутствуют в причитаниях других исполнительниц из ее местности. Объем ее текста разрастается за счет импровизаций, которые вставлены между обязательными мотивами.

В то же время у И. А. Федосовой есть мотивы, которые в записях от «рядовых» вырозерских воплениц отсутствуют. Это мотивы «сада» и противопоставленного ему «темного леса». «Сад» и «лес» — одни из главных концептов севернорусских свадебных причитаний. «Сад» символизирует девичество, «волю» невесты, «темный лес» — чужую сторону, неволю. Тема «сада» и его разрушения от грозовой тучи, надвигающейся из-за темного леса, развивается у Федосовой в импровизацию из 90 стихов. Мотив «сада» встречается в заонежских причитаниях, но он совершенно не

⁵Там же. Т. 2. С. 277—301.

разработан. Мотив «темного леса, тучи» также не характерен ни для вырозерских, ни для заонежских причитаний в целом. Ближайшая территория, где он широко распространен, — это Пудожье. Там мы его найдем и в причитаниях, и в свадебной песне «Наставала туча темная». Еще один элемент, также концептуальный, присутствует в причитании И. А. Федосовой и почти не развернут у рядовых исполнительниц — это изображение чужой стороны как пространства с деструктивными элементами. Эта тема развивается у И. А. Федосовой в импровизацию на 82 стиха. И в этой импровизации она постоянно пользуется имеющимися в ее поэтическом арсенале клише («Как сверлом у их окнишечка просверлены, долотом двери продолблены, и решетом свету туда наношено» и т. д.). Немало в тексте И. А. Федосовой и ее собственных нововведений: например, наказ братьям взять с собой пистолеты зарукавные, и при встрече «остудника» «вы колом его, остудничка, колите-тко и с пистолетика его да подстрелите-тко!»; особенно проникновенно звучат ее слова о девичьей воле, это сквозная тема всех ее свадебных причитаний: «И воля — красное миженьско мое солнышко, и воля — денной ты теперь да белой светушко, и воля — сладкое было да уяданьце, и воля — долгое было да усыпаньце...». В этих строках чувствуется индивидуальный стиль И. А. Федосовой-поэтессы.

Выводы из этого очень беглого обзора могут быть следующими: И. А. Федосова использует в своих причитаниях все приемы, которые свойственны вырозерской школе; она развивает в импровизациях обязательные мотивы, используя при этом традиционные поэтические средства; она дополняет содержание причитаний мотивами, не зафиксированными в вырозерских причитаниях, но известными другим местным традициям; она использует в причитаниях собственные новации и индивидуальные поэтические приемы.

Напевов свадебных причитаний, приписываемых И. А. Федосовой, сохранилось немало. В период с 1886 по 1895 год слуховые записи от нее производили О. Х. Агренева-Славянская, С. Г. Рыбаков, Н. А. Римский-Корсаков. Из всего количества записей свадебных причитаний Федосовой (их 33) наибольшее доверие вызывает группа из 15 напевов, которую составляют слуховые записи Н. А. Римского-Корсакова, С. Г. Рыбакова, расшифровка фонографической записи Ю. И. Блока 1896 года, опубликованная спустя почти 90 лет М. А. Лобановым⁶. Эти записи идентифицируются с двенадцатью записями причитаний, приведенными в «Описании русской крестьянской свадьбы» О. Х. Агреновой-Славянской. Совпадение нотных записей свадебных причитаний, сделанных четырьмя исследователями, подтверждает принадлежность напевов И. А. Федосовой и до некоторой

⁶Лобанов М. А., Чистов К. В. Запись от И. А. Федосовой на фонограф в 1896 году // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 216.

степени реабилитирует издание О. Х. Агренево-Славянской, вызывающее у музыковедов-фольклористов устойчивое недоверие за грубые ошибки в нотной записи песен и причитаний.

Не случайно один из напевов этой группы был включен в издание «Песни Заонежья», подготовленное Т. В. Краснополяской⁷. В него были помещены лишь те напевы, которые, по мнению составителя, находят подтверждение в местных причетных традициях Заонежья.

Причетный напев И. А. Федосовой — узкообъемный терцовый, расширения диапазона его до кварты, сексты единичны. Мелодическое развертывание напева основано на прихотливом, изобретательном покачивании на 3—2 ст. лада и ступенчатом нисхождении к главной опоре лада и утверждению ее в конце мелостиха (см. рис. 1).

Неравнослоговые стихи поэтического текста причитаний (9—13 слогов) имеют в основном ровную ритмизацию, лишь 2—3-й конечные слоги стихов затягиваются. Ритмическая форма напевов 12—16-временная (наиболее распространены 14—16-временные формы).

Увеличение количества кратких времен происходит за счет расширения в среднем сегменте формы. Конечный сегмент формы преимущественно четырехвременной, дактилический, однако и хореические окончания ритмической формы представлены во всех записях.

Е. В. Барсов услышал эти напевы Федосовой так: «Пение ее вращается на трех, четырех нотах, но оно поражает оригинальностью переходов»⁸.

Эти напевы были сопоставлены с напевами свадебных причитаний, имеющимися в современных магнитофонных записях от уроженцев Вырозера. По мелодическому и ладовому развитию особенно близки причитаниям И. А. Федосовой свадебные причитания в исполнении вырозерских причитальщиц И. Т. Юлиновой (ФА ИЯЛИ. 77/9) и А. Т. Кадетовой (ФА ИЯЛИ. 3178/2). По-видимому, и напевная, нежная их манера исполнения также близка манере И. А. Федосовой, о которой можно судить по ее собственным словам в пересказе Е. В. Барсова: «Что на свадьбах ли запоет — старики запляшут, на похоронах ли завопит — каменный заплачет. Голос был такой вольный, нежный»⁹.

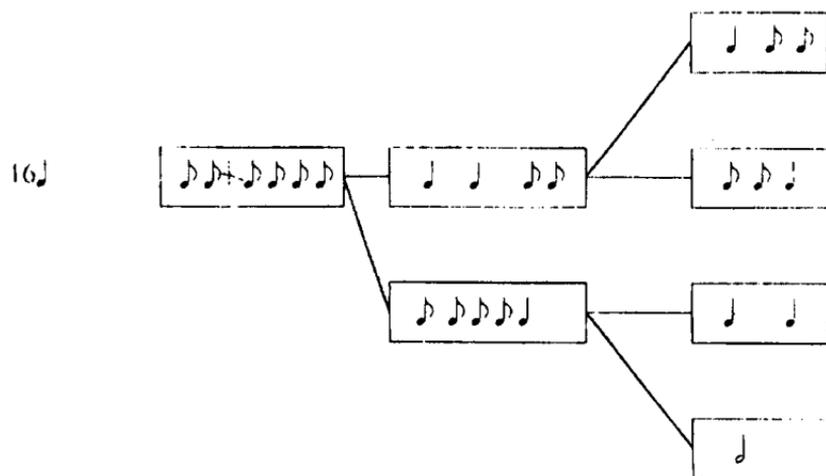
Исследование подтверждает факт существования вырозерской школы причитальщиц, яркой представительницей которой была И. А. Федосова. Традиционный причетный напев сохранялся в вырозерских деревнях вплоть до последней четверти XX века.

Анализ напева И. Т. Юлиновой показал, что мелостих ее причитания отличается характерное ритмическое расширение в центре формы (на 6-м слоге стиха), координирующееся с увеличением продолжительности звучания

⁷Песни Заонежья в записях 1880—1980 годов / Сост. Т. В. Краснополяская. Л., 1987. С. 151.

⁸Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым... Т. 1. С. 24.

⁹Там же. С. 263.

Ступени 1 3 3 3 3 2 1 3 2 1 1

14

Добры ко-ицш-ки по-у-сто-я-лись

Ступени 1 3 3 3 2 1 3 2 1 1

12

В боль-шой ко-ло-кол у-ла-ри-ли

Ступени 1 3 3 3 2-1 3-2 1

Рис. 1. Музыкально-ритмические формы вырозерских напевов
И. А. Федосовой

Напев И А Федосовой (Агренева-Славянская. Ч. I № 4, Песни Заонежья, № 7)

Доб-ры ко-нюш-ки по-у-сто-я-лись.

Ступени 1 3 3 3 2 1 3 2 1 1

Напев И Т Юлиновой

Ко сто-лу пой-ду кня-же-лец-ко-му

Ступени 2.1 3 3 3 3 2.1.2 3.2 1 1 1

Рис. 2. Формы напевов И. А. Федосовой и И. Т. Юлиновой

оппозиционной ладовой опоры — 2 ступени. Подобная ритмическая форма отмечается и в напеве А. И. Палтусовой из Ламбасручья¹⁰ (см. рис. 2).

Связи и аналогии с напевом И. А. Федосовой обнаруживаются во всем Заонежье: терцовые причетные напевы можно услышать не только в Вырозере и Ламбасручье, но и в Вегоруксе, Великой Ниве, Шуньге. Квинтовые напевы в Заонежье также широко распространены. Кроме того, сегодня в Кузаранде и Вырозере бытует другой, более распространенный напев.

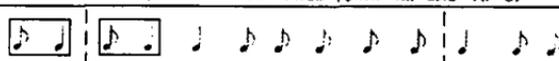
Общеизвестно, что большую часть своей жизни И. А. Федосова провела в Кузаранде. Могла ли вопленица воспринять и местный напев? В «Описании русской крестьянской свадьбы...» О. Х. Агреновой-Славянской¹¹ зафиксирован напев (также включенный в сборник «Песни Заонежья»)¹², который представляет переходную между вырозерской и кузарандской причетную форму (см. рис. 3).

Напев обладает типичной вырозерской ритмической формой, основная модель мелодического его развертывания — вращение в диапазоне терции — отмечается и в вырозерских, и в кузарандских причитаниях. Однако лишь в причети, записанной в Кузаранде и в напеве И. А. Федосовой терцовые звенья вращения звуковысотно смещаются, расширяя диапазон напева до квинты. То есть кузарандский причетный напев И. А. Федосова услышала по-своему, облекла его в привычную вырозерскую временную форму.

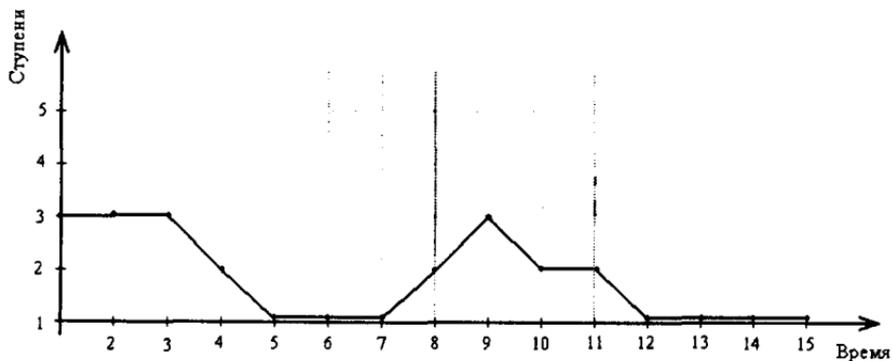
¹⁰Песни Заонежья... С. 165.

¹¹Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями, обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными: В 3 ч. Тверь, 1887—1889.

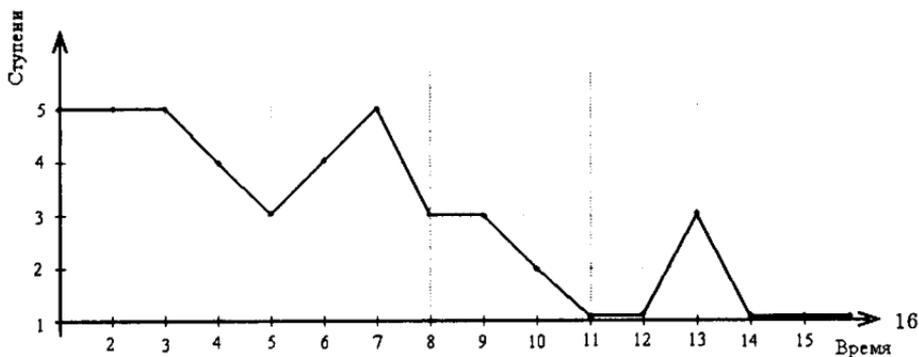
¹²Там же. С. 151.

14♯		Напев Федосовой (Агр-Слав, ч. 2, № 2)
	То не пги- цынь- ка со грез- дини- ка сле- та- ст	
15♯		Напев А. Т. Кадетовой ФА ИЯЛИ 3178/2
	Не по бе- реж- ку ли у- туш- ка за- кря- [ка-ла]	
16♯		Напев Н. А. Булавкиной (Кузаранда) Песни Заонежья, № 1, с. 14
	Сла- ва Бо- туш-(и)-ку ти- перь, да, сла- ва Го...	

Напев Кадетовой

Напев Булавкиной

Напев Федосовой

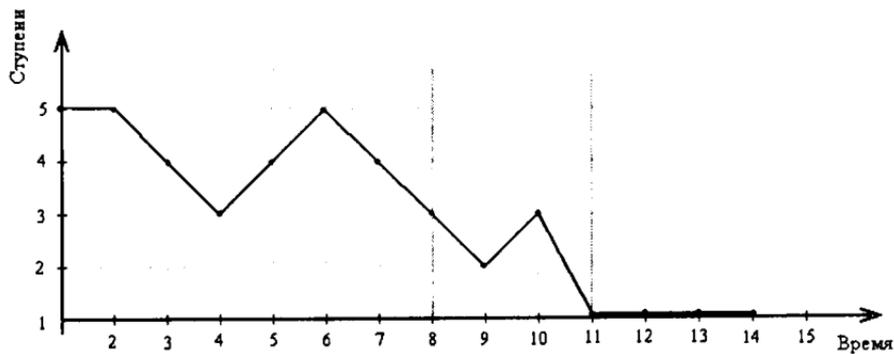

Рис. 3. Ритмические и звуковысотные формы напевов И. А. Федосовой, А. Т. Кадетовой и Н. А. Булавкиной

В напеве А. Т. Кадетовой ясно слышно конфликтное соотношение музыкального ритма и стиха (ударные слоги стиха совпадают с краткими, а безударные — с долгими временами в первой половине музыкального периода). Подобные напевы характерны для ареала Толвуйа—Кузаранда—Вырозеро—Падмозеро. По мнению Т. В. Краснопольской, этот ритмический тип причеты синтезирует черты финно-угорского и русского музыкально-поэтического мышления¹³. Не исключено, что и причетный напев И. А. Федосовой звучал именно так, нюанс же ее исполнения — специфическое пропевание слогов поэтического текста — не был отражен нотировщиком в записях О. Х. Агреновой-Славянской.

Опираясь на опыт современной собирательской работы, можно сделать предположения и относительно других слуховых записей в издании О. Х. Агреновой-Славянской.

Вероятно, И. А. Федосовой в течение своей жизни приходилось слышать и другие напевы. Вспомним, как она говорила о себе: «Я грамотой не грамотна, зато памятью я памятна; где что слышала, пришла домой, все рассказала, будто в книге затвердила, песню ли, сказку ли, старину ли какую»¹⁴. В представленных О. Х. Агреновой-Славянской записях — 5 напевов, имеющих характерную для пудоожской групповой причеты ритмическую форму. Заинтересовалась ли И. А. Федосова этими напевами, или перед нами начинает вырисовываться фигура «нищей Ульяны»?

Привлекает внимание и другая группа причитаний (5 записей) из публикации О. Х. Агреновой-Славянской, обладающих несомненным сходством с описанным выше напевом И. А. Федосовой, нотная запись которых испещрена знаками альтерации. Не исключено, что эти записи были сделаны нотировщиком, обладавшим абсолютным слухом, что вполне могло вызвать интерес у О. Х. Агреновой-Славянской, которую, несомненно, смущали монотонность и повторяемость записей, естественные в условиях работы с одной исполнительницей. И в наше время собиратели и нотировщики, обладающие утонченным слухом, стремятся передать все версии интонирования информантов¹⁵.

Возможно, подобная запись имеет и другое объяснение. Нотировщик мог столкнуться с явлением, названным Р. Лахом «симптомом определенного периода развития фазы», при котором «...представление (например, определенного звука мелодической фразы) является вполне ясно и резко очерченным, однако голосовые органы недостаточно еще развиты (натренированы — *giebt und traeniert*), чтобы взять нужный звук сразу чисто с

¹³Гуляев В. Ф. *Краснопольская Т. В. Народное зодчество и музыкальный фольклор Карелии (опыт совместного исследования)* // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 26.

¹⁴Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым... Т. 1. С. 254.

¹⁵Кондратьева С. Н. *Карельская народная песня. М., 1977; Травиня И. К. Саамские народные песни. М., 1987.*

полной уверенностью — одним прыжком»¹⁶. Потому и возникают эти трудно фиксируемые импровизационные энгармонические колебания.

Е. В. Гиппиус называет это явление «деформацией причетей», объясняющейся «...переходом причетей от профессиональных причетниц искусственно к самим участникам обряда, например, в обряде свадьбы к невесте или ее матери»¹⁷.

Если вспомнить замечание В. Д. Лысанова о том, что в «самолучшей покруте» в день свадьбы невеста сама уже не причитала, а все причитания от ее лица исполняла подголосница нараспев¹⁸ и учесть, что подголосница и невеста могли причитывать одновременно на разные напевы, то можно предположить: напев (вырозерский) И. А. Федосовой, записи которого расположены преимущественно во второй части «Описания русской крестьянской свадьбы» О. Х. Агреневой-Славянской, то есть исполнявшиеся в день свадьбы, — это напев подголосницы, а пять причитаний с импровизационной «деформацией» мелодического контура, возможно, представляют напев невесты. Однако могут ли эти «деформированные» напевы принадлежать И. А. Федосовой и не скрываются ли за этими записями другие исполнители?

Здесь были рассмотрены далеко не все записи напевов причитаний, приведенные О. Х. Агреневой-Славянской. Некоторые из них не поддаются пока никакому объяснению.

Несомненно, музыкальное наследие И. А. Федосовой требует серьезного и глубокого изучения, и настоящее исследование является лишь одним из его этапов. Разгадать явление И. А. Федосовой пытались многие исследователи, среди них были и те, кто предлагал подходить к ней как к выдающемуся индивидуальному художнику. Пожалуй, наиболее глубокое суждение принадлежит К. В. Чистову, который считает, что попытки поставить Федосову вне традиции являются совершенно необоснованными, что ее творчество — это «крупное и индивидуальное явление, в то же время целиком принадлежащее русскому фольклору»¹⁹.

¹⁶Гиппиус Е. В. Крестьянская музыка Заонежья // Крестьянское искусство СССР: Заонежье. Л., 1927. С. 153.

¹⁷Там же. С. 163.

¹⁸Лысанов В. Д. Досюльная свадьба, песни, игры и танцы в Заонежье Олонекской губернии / Собрано и изложено в драматической форме В. Д. Лысановым. Петрозаводск, 1916. С. 47—48.

¹⁹Чистов К. В. Ирина Андреевна Федосова. Петрозаводск, 1988. С. 77—78.